

**ТРАДИЦИОННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ
В КОНТЕКСТЕ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

В. А. Кряжков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Д. В. Гавриленко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

**TRADITIONAL FAMILY VALUES
IN THE CONTEXT OF HUMAN REPRODUCTIVE RIGHTS
IN THE RUSSIAN FEDERATION:
CONSTITUTIONAL ASPECTS**

V. A. Kryazhkov

National Research University «Higher School of Economics»

D. V. Gavrilenko

Lomonosov Moscow State University

Аннотация: в статье анализируется соотношение традиционных семейных ценностей и репродуктивных прав. Фокус внимания исследователей сосредоточен на поиске баланса между указанными категориями и формулировании предложений по его достижению. В ходе исследования были рассмотрены вопросы правового закрепления традиционных семейных ценностей и репродуктивных прав, а также выявлены современные подходы по регулированию названных прав с учетом традиционных семейных ценностей. Авторы констатируют, что между традиционными семейными ценностями и репродуктивными правами существует ряд противоречий, которые приводят к непропорциональному ограничению последних. Данная ситуация может быть нивелирована путем предоставления полноценной возможности по реализации права каждого на репродуктивное самоопределение.

Ключевые слова: традиционные семейные ценности, репродуктивные права, правовое регулирование традиционных семейных ценностей и репродуктивных прав, право на репродуктивное самоопределение, баланс публичных и частных интересов.

Abstract: the article analyzes the correlation between traditional family values and reproductive rights. The focus of attention of the researchers is on finding a balance between these categories and formulating proposals to achieve it. In research authors examine the issues of legal consolidation of traditional family values and reproductive rights, as well as modern approaches to the regulation of these rights taking into account traditional family values that have an impact on reproductive rights. The authors state that there are a number of contradictions between traditional family values and reproductive rights, which lead to disproportionate restriction of the latter. This situation can be leveled by providing an opportunity to realize the right of everyone to reproductive self-determination.

Key words: traditional family values, reproductive rights, legal regulation of traditional family values and reproductive rights, the right to reproductive self-determination, balance of public and private interests.

Законом Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ¹ Конституция РФ была дополнена положениями социальной направленности – о защите семьи, материнства, отцовства и детства, семейном воспитании детей, признании брака как союза мужчины и женщины, сохранении традиционных семейных ценностей (ч. 4 ст. 67.1, ч. 1 ст. 72, ч. 1 ст. 114). Придание названным ценностям конституционного значения не может не влиять на осуществление прав и свобод человека и гражданина, в том числе репродуктивных прав. Данные права – естественные права человека², связанные с воспроизводством. Ключевым из них выступает право на репродуктивное самоопределение, т. е. возможность самостоятельно определять репродуктивное поведение. При этом публичные интересы в подобных случаях могут конкурировать с интересами частных лиц, реализующих указанные права. В каком соотношении находятся традиционные семейные ценности и репродуктивные права человека и как обеспечить их совмещение – предмет анализа настоящей статьи.

Понимание традиционных семейных ценностей

Традиционные семейные ценности, как следует из Конституции РФ, увязываются с пониманием того, что это – брак как союз мужчины и женщины, семья, материнство, отцовство и детство, семейное воспитание детей, равенство супругов. Характеризуя их, отметим несколько моментов.

Первое. В настоящее время наблюдается конкретизация конституционного содержания традиционных семейных ценностей. В частности, в федеральных документах стратегического планирования³ к таковым относятся недопу-

стимость отрицания естественного продолжения жизни, определение цели заключения брака – создание семьи, рождение и (или) совместное воспитание детей, сохранение долгосрочных семейных союзов. Дополняет этот процесс Конституционный Суд РФ. Он акцентирует внимание на том, что воспитание детей – преимущественная, если не исключительно, женская функция⁴, а также видит предназначение семьи в рождении и воспитании детей, что, в свою очередь, обуславливает трактовку брака как союза мужчины и женщины⁵.

Второе. Пока неясным остается аспект «традиционности» семейных ценностей. Это прежде всего связано с тем, что форматы организации семейной жизни постоянно эволюционируют. В досоветский период многими семьями практиковался контроль над рождаемостью⁶, а «плодовитость» брака, хотя и имела место в связи с отсутствием противозачаточных средств, но была сопряжена с высокой детской смертностью⁷. В советский период в сфере брачно-семейных отношений на разных этапах имели место экспериментирование в вопросах гендерного порядка и дефамелизации (1918 – начало 1930-х гг.), усиление традиционалистских начал (1930 – середина 1950-х гг.), либерализация гендерной политики (середина 1950-х – конец 1980-х гг.) и от-

Российской Федерации до 2025 года (ч. III) : утв. распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 35. Ст. 4811 ; Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года (ч. II, III) : утв. распоряжением Правительства РФ от 15 марта 2025 г. № 615-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 13. Ст. 1505.

⁴ См.: По жалобе гражданина Милова Владимира Станиславовича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 3.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : определение Конституционного Суда РФ от 15 октября 2020 г. № 2375-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См.: По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова : постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 40. Ст. 5489.

⁶ См.: *Пушкарева Н. Л.* Частная жизнь русской женщины в Древней Руси и Московии : невеста, жена, любовница. М., 2011. 216 с.

⁷ См.: *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2003. 578 с.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

² См.: *Абашидзе А. А.* Новое поколение прав человека : соматические права // Московский журнал международного права. 2009. № 1 (73). С. 69–82 ; *Крусс В. И.* Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении : к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43–50.

³ См.: Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (п. 14) : утв. Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977 ; Концепция государственной семейной политики в

ход от навязывания государственной идеологии регулирования брачно-семейных отношений (с конца 1980-х гг.)⁸. Исторический экскурс демонстрирует, что фактическая организация семейной жизни предшествующих периодов не соответствует современным установкам традиционных семейных ценностей, определенные унифицированные практики не были сформированы в общенациональном масштабе, что не позволяет говорить о единой «традиции».

Трудности просматриваются и в том, на кого распространяются и для кого признаются «традиционными» семейные ценности. Это обусловлено спецификой Российской Федерации: во-первых, ее многонациональностью и установлением гарантий защиты культурной самобытности всех народов и этнических общностей, сохранения этнокультурного многообразия (ч. 2 ст. 69 Конституции РФ); во-вторых, имеющимся разнообразием религиозных традиций у христиан, мусульман, иудеев и др., с которыми соотносятся брачно-семейные отношения⁹. Подобная ситуация не позволяет выделить общепризнанные традиционные семейные ценности, которые бы могли разделяться всеми без исключения, что согласуется с выводами Конституционного Суда РФ относительно того, что конституционные положения о браке как союзе мужчины и женщины и защите традиционных семейных ценностей «не могут расцениваться, толковаться и применяться как устанавливающие государственную или обязательную идеологию»¹⁰.

Третье. Необходимо прояснить правовые свойства традиционных семейных ценностей. В отличие от норм права, ценности представля-

ют собой предпочтительный, а не обязательный вариант поведения, носят оценочный и относительный характер¹¹. Они важны как базовые ориентиры для общества и государства¹². Принимая во внимание сказанное, полагаем, что традиционные семейные ценности – это блага, предпочитаемые варианты поведения, которые могут рассматриваться отдельными лицами как идеал организации семейной жизни, выступать в качестве принципов или правовых норм, если они получают воплощение в какой-либо из данных форм с помощью юридико-технических средств.

Правовое признание и закрепление репродуктивных прав

Репродуктивные права: право супружеских пар и отдельных лиц свободно принимать ответственное решение относительно количества своих детей, интервалов между их рождением и времени их рождения и располагать для этого необходимой информацией и средствами; право на достижение максимально высокого уровня сексуального и репродуктивного здоровья; право принимать решения в отношении воспроизводства потомства без какой бы то ни было дискриминации, принуждения и насилия и др. – закрепляются в международных документах как разновидность прав человека¹³.

В развитие этих положений отдельные репродуктивные права непосредственно закрепляются в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹⁴. К таковым относятся право на планирование семьи (ст. 51), право на вспомогательные репродуктивные технологии (ст. 55), право на искусственное прерывание беременности (ст. 56), право на репродуктивный выбор (репродуктивную самоидентифи-

⁸ См.: Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 1 (3/4). С. 299–321.

⁹ См.: Кулиев Д. Т. Межконфессиональные браки согласно исламскому праву : теория и практика : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 191 с.

¹⁰ О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации : закл. Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 12. Ст. 1855.

¹¹ См.: Шустров Д. Г. Иерархия конституционных ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 6. С. 6–15.

¹² См.: Нуссбергер А. Прощание с универсальными конституционно-правовыми концепциями? Ответ на статью Сергея Белова // Сравнительное конституционное обозрение. 2024. Т. 33. № 2 (159). С. 89–101.

¹³ См.: Программа действий, принятая на Международной конференции ООН по народонаселению и развитию (Каир, 5–13 сентября 1994 г.) : юбилейное издание по случаю 20-летия. Copyright : Фонд ООН в области народонаселения, 2014. С. 78–79 ; Пекинская декларация (15 сентября 1995 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

¹⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

кацию) (ст. 56), право на стерилизацию (ст. 57). Есть права, которые прямо не закрепляются, но допускаются (например, право на контрацепцию) или их содержание включается в отдельные нормы (например, право на репродуктивное здоровье) (ст. 52).

Конституция РФ не прописывает репродуктивные права¹⁵. Вместе с тем вполне обоснована позиция тех, кто утверждает, что данные права производны от ряда прав и свобод человека и гражданина, а также принципов, закрепленных в Конституции РФ¹⁶, таких как:

- принцип равенства (ст. 19), позволяющий лицам совершать осознанный выбор, свободный от дискриминации по признаку пола;
- признание достоинства личности (ст. 21), выступающее основанием для реализации всех репродуктивных прав;
- право на личную свободу и неприкосновенность (ст. 22), которое служит основой для права на свободный репродуктивный выбор и планирование семьи;
- право на неприкосновенность частной жизни (ст. 23), не допускающее контроля со стороны общества и государства жизнедеятельности в личной и интимной сфере, если она не носит противоправного характера;
- право на получение информации (ст. 29), включающее и право на информацию о репродуктивном здоровье и репродуктивных правах;
- право на охрану здоровья (ст. 41) – условие, позволяющее достигать высшего стандарта репродуктивного здоровья;

¹⁵ В некоторых странах репродуктивные права непосредственно закрепляются в основных законах. Например, Конституция Швейцарии устанавливает, что люди должны быть защищены от неправомерного использования репродуктивной медицины, запрещает использование суррогатного материнства, регулирует требования к процедуре ЭКО (ст. 119); в Конституции Словении закрепляется право на свободное принятие решения о рождении детей (ст. 55); Конституция Германии относит к конкурирующей законодательной компетенции искусственное оплодотворение, исследования и искусственное изменение наследственности (ст. 74. (1)); Конституция Португалии устанавливает гарантии права на планирование семьи и обязанность государства по регламентации правил помощи при родах (ст. 67); Конституция Франции признает гарантированную женщинам свободу прибегать к искусственному прерыванию беременности (ст. 34).

¹⁶ См.: Хазова О. А. Репродуктивные права в России : пределы законодательного регулирования // Конституционное право : восточноевропейское обозрение. 2001. № 1 (34). С. 7.

– гарантирование государственной защиты прав и свобод, возможности каждому самостоятельно защищать свои права всеми законными способами (ст. 45), в том числе посредством судебной защиты (ст. 46), которое распространяется и на защиту репродуктивных прав.

Производность от конституционных прав, а также соответствие репродуктивных прав фундаментальным конституционным принципам и ценностям свидетельствуют об их конституционной природе¹⁷. Это, в свою очередь, обуславливает возможность защиты названных прав средствами конституционного правосудия, в том числе с использованием конституционной жалобы.

Современные подходы к регулированию репродуктивных прав с учетом традиционных семейных ценностей

Регулирование репродуктивных прав в Российской Федерации в новейшее время строится на сочетании нескольких подходов. При этом полагаем, что можно выделить три таких подхода: стимулирующий, восполняющий и ограничительный.

Под стимулирующим подходом к регулированию репродуктивных прав нами понимается принятие нормативных правовых актов, направленных на повышение рождаемости – важной составляющей традиционных семейных ценностей. Данный подход основывается на предоставлении материально-финансовых средств и начал применяться с 1993 г., но активное развитие получил с 2006 г. – с законодательным закреплением материнского капитала¹⁸ (единовременная целевая выплата, которая изначально составляла 250 000 рублей и предназначалась матерям, родившим второго (третьего или последующего) ребенка с 1 января 2007 г.). По состоянию на 2025 г. выплата полагается за рождение первого (690 266 руб.), второго (912 162 руб., если не была получена выплата за первого ребенка) и последующих детей. Она может быть потрачена на улучшение жилищных условий, образование ребенка или накопительную часть пенсии одного из родителей.

¹⁷ См.: Должиков А. В. «Рукописи не горят» : неписанные права в конституционном правосудии // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 1 (98). С. 120–137.

¹⁸ См.: О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : федер. закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 1 (ч. I). Ст. 19.

В настоящее время получает распространение региональная финансовая поддержка в виде единовременных выплат (от 100 тыс. до 150 тыс. руб.) женщинам, родившим первого ребенка в возрасте от 18 до 25 лет¹⁹ или обучающимся на очной форме, состоящим на учете в медицинских организациях по беременности²⁰. Несмотря на то что названные выплаты официально преподносятся в качестве способа оказания помощи молодым женщинам, которые оказались в трудной жизненной ситуации²¹, социологические опросы указывают на неоднозначное отношение россиян к подобным инициативам²². Это неудивительно: при поощрении рождения детей у лиц, которые только находятся в начале самостоятельного жизненного пути (для женщин с 18 лет и даже школьниц), трудно говорить об ответственном родительстве.

Важную роль в рассматриваемых отношениях играет Конституционный Суд РФ. Он исходит из того, что меры государственной политики по поддержке семей и беременных женщин направлены на решение задач улучшения демографической ситуации²³, повышения уровня рождаемости²⁴. При этом Суд обращает внимание на

дискрецию законодателя, которая позволяет ему самостоятельно определять категории граждан – получателей помощи, характер мер поддержки и размер данной помощи²⁵.

Восполняющий подход связан с преодолением пробелов правового регулирования репродуктивных прав судебными средствами на основе расширительного толкования нормативных предписаний, аналогии закона, конституционных принципов, ценностей и норм. Он нашел применение:

– для понимания положений, касающихся законодательного закрепления права на вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ). В частности, Конституционный Суд РФ вполне определенно высказался о допустимости применения постмортальной репродукции – вида ВРТ, которая предполагает использование криоконсервированного репродуктивного материала умерших лиц (взятого при их жизни или в первые часы после смерти) с целью зачатия и рождения детей после смерти одного или даже обоих биологических родителей²⁶;

– при восполнении пробела в правовом регулировании суррогатного материнства для одиноких мужчин. Суды общей юрисдикции исходя из того, что в действующем законодательстве отсутствуют какие-либо запреты относительно возможности для одинокого мужчины реализовать себя как отец с помощью методов искусственной репродукции, признавали право такого мужчины на отцовство над детьми, рожденными суррогатной матерью²⁷. Конституционный

¹⁹ См.: О внесении изменений в отдельные постановления Правительства Самарской области : постановление Правительства Самарской области от 24 октября 2024 г. № 766. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁰ См., например: Об установлении дополнительных мер социальной поддержки женщинам, обучающимся по очной форме обучения, состоящим на учете в медицинских организациях по беременности, молодым семьям при рождении третьего или последующего ребенка : закон Калужской области от 23 декабря 2024 г. № 582-ОЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²¹ См.: В Госдуме поддержали идею о введении выплат для беременных школьниц // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/03/24/25383458.shtml> (дата обращения: 05.05.2025).

²² См.: Дорофеева Е. Мнения россиян по поводу выплат беременным школьницам в регионах разделились // Ведомости. 2025. 23 апр. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/04/23/1106059-mneniya-rossiyan-po-povodu-viplat-beremennim-shkolnitsam-razdelilis>

²³ См.: По делу о проверке конституционности пункта 2 части 1 статьи 10 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с жалобой гражданки А. А. Дробковой : постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2022 г. № 56-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 1 (ч. III). Ст. 496.

²⁴ См.: По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 15 Федерального закона

«О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2002 год» в связи с жалобой гражданки Т. А. Баныкиной : постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2007 г. № 4-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 14. Ст. 1742.

²⁵ См.: По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в связи с жалобами граждан А. С. Стах и Г. И. Хваловой : постановление Конституционного Суда РФ от 24 мая 2001 г. № 8-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 22. Ст. 2276.

²⁶ См.: По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки М. Ю. Щаниковой : постановление Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2025 г. № 6-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 7. Ст. 694.

²⁷ См.: Решение Бабушкинского районного суда г. Москвы от 4 августа 2010 г. по делу № 2-2745/10;

Суд РФ уточнил, что эта практика может быть оправдана только необходимостью легализации правовой связи детей с их генетическими отцами, обеспечением названным детям родительского попечения²⁸;

– при решении вопроса о применении суррогатного материнства с использованием донорских ооцитов, донорской спермы или одновременно сочетании донорских материалов. В этих случаях генетическая связь между ребенком и потенциальными родителями может отсутствовать или иметься только с одним родителем. В данной ситуации, указал Верховный Суд РФ, происхождение ребенка устанавливается на основании медицинских и других документов, вследствие чего для родителей соответствующая запись акта о рождении является подтверждением в том числе генетического (биологического) происхождения ребенка от них. Суд отметил, что, так как ВРТ направлены на лечение бесплодия, один из родителей может не иметь действительного генетического родства с будущим ребенком, однако признается его родителем. Для осуществления программы ВРТ достаточно связи ребенка с одним из родителей²⁹. Однако определением Конституционного Суда РФ от 13 мая 2025 г. № 1222-О³⁰ вопрос порядка использования донорского генетического материала был существенно уточнен: в цикле суррогатного материнства должны использоваться только половые клетки обоих потенциальных родителей.

Ограничительный подход в регулировании репродуктивных прав проявляется в установлении запретов и ограничений. Это особенно заметно в отношениях, связанных с предотвращением или прерыванием беременности.

Решение Дзержинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 8 апреля 2020 г. по гражданскому делу № 2-980/2020 и др. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁸ См.: По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области : постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 30-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 28 (ч. II). Ст. 5629.

²⁹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 22 августа 2023 г. по делу 4-КГ23-41-К1. URL: https://www.advgazeta.ru/upload/medialibrary/979/ys3rlnbq7yx3c75zbvs1emhe8qztzv-169/Opredelenie-po-delu_-4_KG23_41_K1.pdf (дата обращения: 05.02.2025)

³⁰ См.: . Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Одним из проявлений такой практики стало введение в некоторых субъектах Российской Федерации запретов на склонение к абортам (Республика Мордовия, Калининградская, Тверская и Новгородская области и др.)³¹. Законы указанных субъектов с такими запретами идентичны не только по названию, но и содержанию. Они предусматривают, что под склонением к искусственному прерыванию беременности понимается «совершение действий с целью понуждения беременной женщины к искусственному прерыванию беременности путем уговоров, предложений, подкупа, обмана, выдвижения иных требований». Подобные действия влекут наложение административной ответственности.

Ограничением права на свободный репродуктивный выбор и планирование семьи выступают нормы федерального законодательства, предусматривающие запрет на размещение информации, пропагандирующей либо демонстрирующей отказ от деторождения (далее – запрет пропаганды чайлдфри)³². Данные ограничения распространяются, например, на владельцев сайтов и (или) страниц сайтов в Интернете, а также на средства массовой информации и рекламу. Для лиц, которые осуществляют пропаганду отказа от деторождения, предусматривается административная ответственность по ст. 6.21 Кодекса РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ³³. Цель этих установлений, по мысли их инициаторов, состоит в том, чтобы пресечь трансляцию идеологии бездетности как не совместимой с традиционными семейными ценностями (пояснительная записка к законопроекту № 724769-8).

³¹ См.: Закон Республики Мордовия от 7 августа 2023 г. № 58-3 ; Закон Калининградской области от 29 ноября 2023 г. № 279 ; Областной закон Новгородской области от 18 декабря 2023 г. № 450-ОЗ ; Закон Тверской области от 9 ноября 2023 г. № 50-3О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³² См.: О внесении изменений в статьи 10.6 и 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 23 ноября 2024 г. № 411-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 48. Ст. 7218. Положения данного Закона о запрете распространения указанной информации конкретизируются приказом Роскомнадзора от 10 марта 2025 г. № 58. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.04.2025).

³³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

Названные ограничения – запреты на склонение к искусственному прерыванию беременности и пропаганду чайлдфри, на наш взгляд, сомнительны с точки зрения их соответствия положениям Конституции РФ, поскольку:

- конфликтуют с основными правами и свободами человека и гражданина, такими как: на свободу и личную неприкосновенность (ч. 1 ст. 22), неприкосновенность частной жизни (ч. 1 ст. 23), свободу слова, свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации (ч. 1, 4 ст. 29);

- не совмещаются с требованиями Конституции РФ об ограничении прав и свобод человека и гражданина (ч. 3 ст. 55), согласно которым такое ограничение допустимо только федеральным законом, но не законом субъекта Российской Федерации (в ситуации введения запрета на склонение к искусственному прерыванию беременности), а также исключительно в установленных этой нормой целях, в числе которых традиционные семейные ценности не значатся³⁴;

- происходит отход от принципа правовой определенности, ибо такие понятия, как «склонение», «пропаганда» и «демонстрация», относятся к субъективным категориям, и соответственно, из-за различного их восприятия лицо не может предвидеть последствия своих действий.

Таким образом, в настоящее время наблюдается сочетание приведенных выше подходов в регулировании репродуктивных прав. Стимулирующий подход начал применяться еще до законодательного закрепления традиционных семейных ценностей, поэтому можно говорить о том, что данный подход хотя и корреспондирует названным ценностям, но не является их непосредственным олицетворением. Восполняющий подход позитивно связан с активной деятельностью судебных органов, которые устраняют законодательные пробелы в регулировании новых вспомогательных репродуктивных технологий. Складывающийся ограничительный подход, имеющий конституцион-

но-конфликтную окраску, оказывает наибольшее непосредственное влияние на репродуктивные права и направлен, по сути, на воспрепятствование свободной реализации этих прав.

Обеспечение баланса между традиционными семейными ценностями и репродуктивными правами человека

Проведенное исследование показывает, что между регулированием репродуктивных прав и традиционными семейными ценностями есть ряд противоречий, которые заключаются в первую очередь в придании традиционным семейным ценностям, по существу, силы общеобязательных предписаний. Это позволяет законодателю ограничивать репродуктивные права граждан с нарушением принципа пропорциональности. Вместе с тем такое понимание ценностей не согласуется с действительностью, не учитывает индивидуальные, национальные и религиозные убеждения. В результате гражданам предлагается некая система публично-допустимого мировоззрения, т. е., по сути, вопреки Конституции РФ (ч. 1–2 ст. 13), предпринимаются попытки создать государственную или обязательную идеологию.

Основополагающим принципом реализации репродуктивных прав является самостоятельность индивидуума в принятии решений. Человек в этом случае должен свободно, без какого-либо вмешательства определять свое поведение. Традиционные семейные ценности, которые становятся олицетворением государственных интересов по улучшению демографической политики, затрудняют возможность гражданам осуществлять самостоятельный и свободный выбор.

Для того чтобы избежать или предотвратить непропорциональные ограничения, организовать гармоничное сосуществование традиционных семейных ценностей и репродуктивных прав, в правовом регулировании было бы целесообразно исходить из того, что традиционные семейные ценности должны получать законодательное закрепление только в качестве предпочитаемых благ для отдельных индивидов, которые, согласно своим убеждениям, считают данный формат организации семейной жизни и репродуктивной самоидентификации наиболее приемлемым. Публичный интерес в виде повышения рождаемости и закрепления позитивных демографических тенденций, который яв-

³⁴ В этом случае необходимо обратить внимание на то, что традиционные семейные ценности во всех своих проявлениях – нравственные ориентиры, но защита нравственности как одно из оснований, позволяющих ограничивать права и свободы, возможна лишь при обнаружении прав и свобод, которые будут нарушены, если не будет оказана соответствующая защита конкретным конституционным ценностям (см.: Лапаева В. В. Типы правового понимания : правовая теория и практика. М., 2012. С. 484).

ляется составляющей государственной политики по сохранению традиционных семейных отношений, не должен сопрягаться с целью ограничения репродуктивных прав, направленных на препятствование рождению ребенка у конкретного индивида, а также связанных с ними прав на распространение информации и выражения мнения по вопросам рождения детей.

Полагаем, что достижение поставленных органами государственной власти целей возможно с использованием менее обременительных средств, таких как расширение программ государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства; усиление контроля за работой частных клиник, в которых осуществляются операции по искусственному прерыванию беременности; распространение средств контрацепции, в том числе через включение их в систему ОМС, повышение информированности медицинских специалистов о наиболее надежных методах контрацепции.

По нашему мнению, учет данных предложений при реформировании законодательства о репродуктивных правах позволит соблюсти необходимый баланс между публичными интересами, выражающимися в традиционных семейных ценностях, и названными правами человека.

Закрепление и защита традиционных семейных ценностей позволяют лицам, которые исповедуют подобные ценности, строить на их основании семейные отношения без вмешательства со стороны других лиц и общественных институтов. В то же время лицам, которые преследуют и усматривают в качестве предпочтительных иные форматы организации семейной жизни, должны быть предоставлены идентичные возможности и государственная защита. Вмешательство в частную жизнь, неотъемлемым элементом которой выступают репродуктивные права и установки, недопустимо, если не нарушен закон, а при необходимости балансирования данных прав в случае возникновения конфликта интересов следует учитывать их естественный характер и конституционную природу.

Литература

Абашидзе А. А. Новое поколение прав человека : соматические права // Московский журнал международного права. 2009. № 1 (73). С. 69–82.

Должиков А. В. «Рукописи не горят» : неписанные права в конституционном правосудии //

Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 1 (98). С. 120–137.

Дорофеева Е. Мнения россиян по поводу выплат беременным школьницам в регионах разделились // Ведомости. 2025. 23 апр. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/04/23/1106059-mneniya-rossiyan-po-povodu-viplat-beremennim-shkolnitsam-razdelilis>

Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 1 (3/4). С. 299–321.

Крусс В. И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении : к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. С. 43–50.

Кулиев Д. Т. Межконфессиональные браки согласно исламскому праву : теория и практика : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 191 с.

Лапаева В. В. Типы правопонимания : правовая теория и практика. М., 2012. 484 с.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2003. 578 с.

Нуссбергер А. Прощание с универсальными конституционно-правовыми концепциями? Ответ на статью Сергея Белова // Сравнительное конституционное обозрение. 2024. Т. 33. № 2 (159). С. 89–101.

Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины в Древней Руси и Московии : невеста, жена, любовница. М., 2011. 216 с.

Хазова О. А. Репродуктивные права в России : пределы законодательного регулирования // Конституционное право : восточноевропейское обозрение. 2001. № 1 (34). С. 7.

Шустров Д. Г. Иерархия конституционных ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 6. С. 6–15.

References

Abashidze A. A. A new generation of human rights : somatic rights // Moscow Journal of International Law. 2009. No. 1 (73). P. 69–82.

Dolzhikov A. V. «Manuscripts do not burn» : unwritten rights in constitutional justice // Comparative constitutional review. 2014. No. 1 (98). P. 120–137.

Dorofeeva E. The opinions of Russians about payments to pregnant schoolgirls in the regions were divided // Vedomosti. 2025. April 23. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/04/23/1106059-mneniya-rossiyan-po-povodu-viplat-beremennim-shkolnitsam-razdelilis>

Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. State construction of gender in Soviet society // Journal of Social Policy Research. 2003. No. 1 (3/4). P. 299–321.

Kruss V. I. Personal («somatic») human rights in the constitutional and philosophical-legal dimension : to the formulation of the problem // State and law. 2000. No. 10. P. 43–50.

Kuliev D. T. Interfaith marriages according to Islamic law : theory and practice : cand. legal sci. dis. Moscow, 2023. 191 p.

Lapaeva V. V. Types of legal understanding : legal theory and practice. Moscow, 2012. 484 p.

Mironov B. N. Social history of Russia during the empire (XVIII – early XX century). St. Petersburg, 2003. 578 p.

Nussberger A. Farewell to universal constitutional legal concepts? Response to the article by Sergei Belov // Comparative Constitutional Review. 2024. Vol. 33. No. 2 (159). P. 89–101.

Pushkareva N. L. The private life of a Russian woman in Ancient Russia and Muscovy : bride, wife, mistress. Moscow, 2011. 216 p.

Khazova O. A. Reproductive rights in Russia : limits of legislative regulation // Constitutional law : Eastern European review. 2001. No. 1 (34). P. 7.

Shustrov D. G. Hierarchy of constitutional values // Constitutional and municipal law. 2013. No. 6. P. 6–15.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Кряжков В. А., доктор юридических наук, профессор, профессор-исследователь департамента публичного права факультета права, заслуженный юрист РФ

E-mail: vladimir-kryazhkov@yandex.ru

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Гавриленко Д. В., аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета, старший юрист благотворительного фонда помощи детям и взрослым с врожденными нарушениями иммунитета «ПОДСОЛНУХ»

E-mail: gavrilenko_daria@mail.ru

Поступила в редакцию: 07.08.2025

Для цитирования:

Кряжков В. А., Гавриленко Д. В. Традиционные семейные ценности в контексте репродуктивных прав человека в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 22–30. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/22-30>

National Research University «Higher School of Economics»

Kryazhkov V. A., Doctor of Legal Sciences, Professor, Research Professor of the Public Law Department of the Faculty of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation

E-mail: vladimir-kryazhkov@yandex.ru

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Gavrilenko D. V., PhD student, Department of constitutional and municipal law, faculty of law, senior lawyer SUNFLOWER Charity Foundation Supporting Patient with Immune System Disorders

E-mail: gavrilenko_daria@mail.ru

Received: 07.08.2025

For citation:

Kryazhkov V. A., Gavrilenko D. V. Traditional family values in the context of human reproductive rights in the Russian Federation: constitutional aspects // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 3 (62). P. 22–30. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/22-30>